

В крошечной тьме покачивались светящиеся сферы разной величины и самых невероятных оттенков. Одни пестрели причудливыми узорами, другие отливали холодным, чистым блеском драгоценных камней. Одни шары замерли неподвижно, другие медленно вращались, окутанные призрачным, едва светящимся туманом. Линь Чжао показалось, будто он шагнул в самое сердце бескрайней звездной вселенной.

— Здесь хранятся наследия, оставленные шаманами прежних эпох, — Цзи Яогуан мягко поманил рукой.

Словно раздвигая морские волны, сквозь толпу светящихся сфер к нему неторопливо подплыл бледно-зеленый шар, оплетенный изумрудными лозами. Он послушно завис у самого кончика его пальца.

— Шаманство — это искусство подчинять себе духовные силы неба и земли. Оно открывает скрытые сокровищницы человеческого естества и являет миру саму суть шамана. Многие из наших предшественников пред лицом смерти отделяли часть своей души и памяти, оставляя их здесь, дабы потомкам было легче перенять их знания.

Линь Чжао заворуженно бродил среди этого сияющего созвездия. Не удержавшись, он осторожно протянул руку и коснулся зеленоватой сферы на ладони Цзи Яогуана.

В тот же миг в его сознании вспыхнуло знание. Та загадочная магия, с помощью которой Цзи Яогуан выращивал самые разные плоды, звалась Ритуалом бога весны. Суть ее крылась в использовании тотема растений как основы: шаман поглощал духовную силу различных деревьев или семян. Стоило лишь однажды сохранить в памяти дух какого-то растения, и впредь, расходуя лишь малую толику шаманской силы, можно было с помощью тотема воссоздать его из ничего.

Но этот ритуал служил вовсе не для забавы с плодами. Куда важнее было то, что он позволял выращивать редчайшие священные деревья и чудодейственные плоды, служившие материалами для артефактов и главным источником целебного снадобья во всем Шаманском царстве. Правда, и ограничений хватало: шаман с обычным человеческим тотемом растений никогда не смог бы вырастить семена земного, небесного или тем более божественного ранга.

Это таинство было чрезвычайно сложным — постичь его могли лишь человеческие шаманы и выше, а на слияние с чужой памятью ушло бы не меньше двух часов.

Только вот...

— Но у меня ведь нет тотема растений, зачем мне это учить? — Линь Чжао решительно отдернул руку. Затем он окинул жадным взглядом парящие вокруг сферы и, предвкушающе потирая ладони, спросил: — А где здесь наследие огня и света? Есть что-нибудь от Золотого ворона? Ну, если нет Золотого ворона, сойдет и Бифан. Только всякие банальные огненные шары мне не предлагай, давай сразу что-нибудь вроде «Небесной кары, стирающей мир в пепел»...

— Ну... — Цзи Яогуан замялся, в его голосе проскользнули неловкие нотки. — Магии огня и тотемов этого направления здесь нет. Совсем.

— Чего?! — Линь Чжао изумленно обернулся к нему. — Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

Огонь — это первооснова, исток всего живого! Линь Чжао просто поверить не мог, что в таком огромном Шаманском царстве нет ни единого заклинания пламени или света.

Цзи Яогуан посерьезнел:

— Тут ничего не поделать. Пламя и свет — это исключительная власть Золотого ворона Великого Солнца. Десять тысяч лет назад, когда Золотой ворон внезапно взошел на небосвод в облике Пурпурного солнца, шаманы навсегда лишились способности повелевать огнем с помощью собственной силы. Теперь мы можем лишь разжигать огонь окольными путями, используя Священное дерево, чтобы отгонять чуму. Более того, мы даже не смеем помыслить о том, чтобы причинить вред парящему в вышине Пурпурному солнцу.

Линь Чжао опешил:

— Но почему?

— Чтобы выжить, — со вздохом объяснил Цзи Яогуан. — Пурпурное солнце несет земле скверну и бедствия, но вместе с тем оно дает свет и тепло. Если его не станет, то даже очистив мир от порчи, мы просто замерзнем в вечной тьме. И эта беда окажется ничуть не лучше ядовитого тумана.

— Ого, похоже, моя ценность резко возросла, — Линь Чжао прижал ладонь к перьевому тотему на груди и, склонившись к самому уху собеседника, заговорщицки прошептал: — Послушай, старое дерево... У меня ведь тут настоящий тотем Золотого ворона. Неужели тебе ни капельки не хочется прибрать его к рукам?

— Я не забираю чужого, — Цзи Яогуан мягко отстранил от себя это неутомимое лицо. — Время не ждет. Будешь учиться или нет?

— Раз нет магии огня, то и толку... — разочарованный отсутствием сокрушительных техник, Линь Чжао недовольно скривился. — Становиться мирным ремесленником я не нанимался. Всякие кузнечное дело, шитье и алхимия мне даром не нужны.

— Ты — чистокровный Золотой ворон. Великие техники проявятся сами, когда окрепнет твоя кровь, так что не переживай, — Цзи Яогуан тепло сжал его руку. — Я привел тебя сюда ради другого. Шаманское искусство таит в себе множество коварных и подлых уловок. Тебе нужно знать их в лицо, чтобы не попасться на крючок. Каким бы бдительным я ни был, даже я могу оступиться. Я не смею утверждать, что рядом со мной ты будешь в абсолютной безопасности.

— Да понял я, понял, буду учиться! Только давай без этой драмы, мне не по себе, — Линь Чжао отмахнулся, шутливо фыркнув. — Ладно, выкладывай, с чего начнем?

Цзи Яогуан мягко улыбнулся:

— Кое-что я для тебя уже присмотрел...

На его ладони вновь сооткался зеленый древесный лист.

— Веление: Возвращение весны!

В то же мгновение небесный свод вокруг них пришел в движение. Тысячи, а может, и десятки тысяч сияющих точек устремились к ним со всех сторон. Расталкивая прежние сферы, они хлынули бурным потоком и закружились вокруг Линь Чжао, соткав величественную звездную реку.

Линь Чжао вмиг переменялся в лице.

«Почему у меня такое чувство, будто меня опять заставляют сдавать выпускные экзамены?»

Пока Цзи Яогуан усердно вбивал в Линь Чжао премудрости древней магии, в ворота училища вошел юноша с ведром воды и грязной тряпкой в руках. Лицо его было темнее тучи, а во взгляде читалась такая непримиримая злоба, словно каждый встречный задолжал ему по гробу.

Юные шаманы-ученики при его приближении принимались испуганно шептаться. Голоса их то нарастали, когда он проходил мимо, то вновь затихали вдали.

На полпути юноша резко замер, уставившись вперед с такой яростью, словно перед ним стоял злейший враг.

Перед ним стоял бледный, щуплый и робкий подросток — из тех несчастных, на ком обычно срывают злость все кому не лень.

— Ты еще смеешь попадаться мне на глаза? — цедивший сквозь зубы слова юноша с ведром едва сдерживал порыв вылить всю грязную воду прямо на голову наглецу.

— Послушайте, старший брат Вэйшэн У, — робкий подросток набрался храбрости и тихо, запинаясь, произнес: — Пожалуйста, не злитесь на меня больше, это бессмысленно.

Послушайте моего совета: уходите из государства Ди. Уходите скорее, пока еще можете это сделать...

— Бай Жан! — Вэйшэн У вперил в него бешеный взгляд. — Не думай, будто твое алиби меня одурачит. Я собственными глазами видел, как ты зарывал оскверненную вещь под зданием училища! И после того, как я заступался за тебя, когда другие измывались над тобой, ты оказался гнусной крысой!

Бай Жан виновато опустил глаза:

— Я знаю о твоей доброте, брат, и бесконечно благодарен. Но клянусь, скверну зарывал не я. Ты — лучший ученик, признанный гений, которого уже рекомендовали в школу Великой Камелии. Тебе нужно как можно скорее уходить в Шаманское царство.

— Разбежался! — Вэйшэн У мертвой хваткой вцепился в запястье Бай Жана и поволок его к главному корпусу училища. — Я отведу тебя к младшему смотрителю. Как только все узнают, что ты Исток-призрак, с меня снимут все ложные обвинения!

Бай Жан споткнулся, едва не упав, и с обреченным вздохом запричитал:

— Не надо, брат! Тебе не доказать, что я Исток-призрак. Если мы придем к смотрителю, пострадает только ты сам.

Вэйшэн У резко остановился и обернулся, пристально вглядываясь в лицо этого хлипкого, но на удивление спокойного паренька.

— А если я отведу тебя прямо к владыке государства Ди?

Бай Жан удивленно моргнул:

— Но разве тебе под силу встретиться с владыкой Ди? Океан Руин сейчас неспокоен, и у правителя наверняка нет времени даже на то, чтобы спокойно пообедать.

— Я — старший сын Семьи Вэйшэн, будущий хранитель тотема духов предков и гений, которому суждено стать Небесным шаманом! — холодно ухмыльнулся Вэйшэн У. — Как думаешь, этого мало, чтобы получить аудиенцию у владыки?

— Навряд ли... — замялся Бай Жан. — В школу Великой Камелии берут только гениев, но даже среди них появление Небесного шамана раз в десять поколений считается величайшей милостью Шаманского бога.

Вэйшэн У опасно сощурился, его голос так и сочился ядом:

— А ты, как я погляжу, далеко не простой ученик. Слишком уж много тебе известно.

— Будь мы полными невеждами, разве посмели бы Истоки-призраки возвращаться в людские земли? — развел руками Бай Жан. — Не нужно следить за мной, брат. Я всего лишь скромный шаман-ученик, который хочет мирно набивать брюхо в здешних краях. Ну что поделать, если у людей самая вкусная еда?

— Ах ты тварь! Жрать казенный хлеб в училище и одновременно зарывать под него семена скверны, чтобы уничтожить все вокруг? И после этого ты смеешь разыгрывать тут обиженного?! — взревел Вэйшэн У.

— Да не я это зарывал! — испуганно затрепетал Бай Жан. — Вы даже представить не можете, какая гадкая на вкус черная земля в Океане Руин. Зачем мне портить еду? Не наговаривайте на меня.

— Ну так просвети меня: кто зарыл эту отраву? И почему у него было твое лицо? — Вэйшэн У скрестил руки на груди, всем видом показывая, что не верит ни единому слову.

— Это мой старший брат, — вздохнул Бай Жан. — Мы разделили одно чрево на двоих, так что немудрено, что мы похожи как две капли воды.

Вэйшэн У ошарашенно уставился на него:

— Ты... вот так просто взял и во всем сознался?

— Я знаю, что ты хороший человек, — с искренним сожалением произнес Бай Жан. — Но у тебя нет улик, никто тебе не поверит. Пожалуйста, уходи скорее. Государству Ди осталось недолго...

— Глупости! — вспыхнул Вэйшэн У. — Наша оборонительная стена дважды рушилась под натиском врага, но государство Ди всякий раз возрождалось из пепла! Пока существует Океан Руин, наши земли будут стоять незыблемым оплотом и вечным щитом на его пути!

— В этот раз все иначе, — с тревогой перебил его Бай Жан. — Теперь...

Подросток осекся на полуслове и замолчал, плотно сжав губы.

— Ну же, чего замолчал? Договаривай, — Вэйшэн У смерил его ледяным взглядом, но пальцы его невольно сжались в кулаки. — Не хватает духу соврать поубедительнее?

— Я и сам толком ничего не знаю, — едва слышно прошептал Бай Жан. — Брат считает меня бесполезным растяпой и ни во что не посвящает.

— Что ж, прекрасный из тебя вышел братец, — Вэйшэн У брезгливо оттолкнул его руку и демонстративно закатал рукава, обнажая крепкие предплечья. — Проваливай с моих глаз и больше не смей за мной таскаться. Увижу еще раз — переломаю кости.

Бай Жан с грустью проводил его взглядом и, понутив голову, побрел в противоположную сторону.

Медленным шагом он вернулся в жилой сектор училища. Зайдя в тесную, похожую на пчелиную соту комнатуху, рассчитанную на двоих, он уставился на пустую циновку, где раньше спал его названный старший брат Вэйшэн У. Лицо его подернулось тоской.

Вдруг на пустующей постели напротив сооткался силуэт точно такого же юноши. Они замерли друг против друга, и этот взгляд глаза в глаза казался отражением в безупречном зеркале.

— Твоя вечная привязанность к миру смертных до добра не доведет, — с мягкой улыбкой произнес Бай Жэнь.

Бай Жан промолчал.

— Погляди сам: даже Цзи Яогуан скоро разделит нашу участь. Это лишь доказывает, что мы поступили верно, — тихо рассмеялся Бай Жэнь. — Какая злая ирония. Тогда, в Безлунном море, все верховные силы обратились в прах, открыв нам путь наверх. Цзи Яогуан пожертвовал собой ради спасения Шаманского царства, но взамен лишился даже права на вечный покой.

Бай Жан по-прежнему хранил молчание.

Тем временем очертания тела Бай Жэня начали медленно таять в воздухе.

— Ты куда? — не выдержав, спросил Бай Жан.

— В Зал Наследия. Нужно заложить последний источник скверны, — Бай Жэнь обернулся, и на его губах заиграла издевательская усмешка: — Можешь пойти и рассказать обо всем тому юному глупцу. Посмотрим, удастся ли ему уцелеть на этот раз.

<http://bllate.org/book/20648/2178442>